

Вопросы философии и психологии

Книга 130.

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 101
ББК 87

Вопросы философии и психологии: Книга 130. / – М.: Книга по Требованию, 2011. – 192 с.

ISBN 978-5-458-04778-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04778-4

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Физицизмъ и свобода въ рациональной психологiи XVII вѣка.

Рационалисты XVII вѣка пытались построить естественное учение de homine и de cive, иначе говоря, рациональную психологию и рациональную социологию. При этомъ если не фактически, то принципиально психологiя предшествовала социологiи. И такимъ образомъ она считалась основною наукою для всѣхъ гуманитарныхъ знанiй. Благодаря этому она слѣдалась средоточiемъ цѣлаго ряда гносеологическихъ и методологическихъ проблемъ и затрудненiй, возникшихъ вслѣдствiе стремленiя научныхъ новаторовъ того времени внести новыя понятiя въ старую науку о человѣкѣ и обществѣ. Особенно настойчиво стремились они вносить въ эту науку естественнонаучныя понятiя, подчиняя имъ или же совершенно исключая традиционныя гуманистическiя и моральныя понятiя. Среди послѣднихъ одно изъ самыхъ крупныхъ мѣстъ занимало понятiе свободы. Психологическая и моральная свобода столкнулась съ необходимостью, и притомъ физической необходимостью. Такимъ образомъ рационалистамъ XVII вѣка задолго до Канта пришлось поставить ребромъ одну изъ самыхъ капитальныхъ проблемъ познания и поведенiя. Тѣ выводы, къ которымъ они пришли, а также тѣ пути, которыми они шли, настолько интересны и притомъ не только въ историческомъ, но также и въ принципиальномъ отношенiи, что заслуживаютъ болѣе детального, чѣмъ обыкновенно принято, изслѣдованiя.

I.

Рационалисты XVII вѣка, стремившіеся создать естественную науку о человѣкѣ, понимали естественное въ троякомъ смыслѣ. Прежде всего исключалось все сверхъестественное. Человѣка изучали не какъ образъ и подобіе Божіе и не какъ существо, поврежденное грѣхопадениемъ и предназначенное къ спасенію въ жизни вѣчной, а какъ существо, имѣющее свою естественную природу ¹⁾. Аффекты и страсти не осуждались, какъ нѣчто грѣховное, а изучались, какъ свойства человѣческой природы. Сообразно съ этимъ практическая философія обсуждала не способы подавленія аффектовъ, а цѣлесообразное ихъ употребленіе. И такъ какъ рационалисты не признавали иного совершенства, кромѣ эмпирической реальности ²⁾, то они оставили пессимистическое богословское ученіе о томъ, что человѣческая природа радикально повреждена грѣхопадениемъ, и смотрѣли оптимистически какъ на механику человѣческихъ аффектовъ, такъ и на ихъ возможную технику: въ природѣ существуютъ только добрыя страсти, увѣрялъ, на примѣръ, Гейлинксъ ³⁾. Этотъ взглядъ породилъ извѣстную басню Мандевилля о пчелахъ, восхвалявшую пороки, какъ источникъ соціальнаго благополучія, и предварающую ученіе

---

¹⁾ Переводчикъ на латинскій языкъ Декартова трактата „О страстяхъ души“ предупреждалъ читателя: *considerat enim hominem Philosophico more, nec penetrat in nativam illius corruptionem, horum motuum anomalorum et eccentricorum in nobis foecundissimam matrem, quae Theologicae est disquisitionis (Passiones animae per Renatum Descartes, Amstelodami, 1685, Interpretis praefatiuncula ad lectorem)*. Амось Коменскій писалъ: *Per naturam hoc loco intelligimus non corruptionem post lapsum omnibus jam adhaerentem (per quam natura filii irae di. imur, non idonei ex nobis ipsis, ut ex nobis, cogitare quidquam boni): sed primam et fundamentalem nostri constitutionem, ad quam ut principium revocandi sumus (I. A. Comenii Magna Didactica, Cap. V, I, стр. 40 лейпцигскаго изданія 1894 г.)*.

²⁾ *Per realitatem et perfectionem idem intelligo (Спиноза, Ethica, Pars II, Definitio VI)*.

³⁾ *Ethica, Tractatus IV, § 1 (Opera, edit. Land, III, 105)*.

Фурье о гармоніи страстей. Онъ же ¹⁾ породилъ систему Гельвеція и вообще чуть не всего докантовскаго XVIII вѣка, въ особенности ученіе Руссо о томъ, что человекъ отъ природы добръ. Наконецъ, онъ же проявился у Адама Смита и другихъ представителей классической и либеральной политической экономіи, которые славословили эгоизмъ, конкуренцію, жажду обогащенія какъ аффекты, дающіе наиблаженнѣйшіе въ социальномъ отношеніи результаты.

Во-вторыхъ, новая естественная наука о человекѣ считалась естественною въ томъ смыслѣ, что она основывалась на „естественномъ свѣтѣ“ разума, иначе говоря, была наукою рациональною. При этомъ согласно съ общимъ духомъ, такъ сказать, позитивнаго рационализма XVII вѣка ²⁾ она не ограничивалась чистымъ умозрѣніемъ и умозаключеніемъ, а старалась разсуждать при соучастіи опыта (*conspirante experientia*, какъ выразился Ньютонъ). Этимъ объясняется, почему, къ изумленію иныхъ изслѣдователей ³⁾, Декартъ разумѣлъ свое *cogito* то какъ априорное положеніе ⁴⁾, то какъ эмпирической фактъ ⁵⁾. Этимъ

¹⁾ См. по этому поводу I. Baumann, *Sechs Vorträge aus dem Gebiete der praktischen Philosophie*, Leipzig, 1874, стр. 17.

²⁾ Болѣе подробная и мотивированная характеристика рационализма XVII вѣка со стороны его позитивизма дана авторомъ настоящаго этюда въ первомъ томѣ „Проблемы социальной физики въ XVII столѣтіи“ (Варшава, 1910).

³⁾ См., напримѣръ, A. Kastil, *Studien zur neueren Erkenntnis-Theorie*, I, Descartes, Halle, 1909, стр. 113.

⁴⁾ *Facile quidem supponimus nullum esse Deum, nullum coelum, nulla corpora; nosque etiam ipsos non habere manus, nec pedes, nec denique ullum corpus; non autem ideo nos qui talia cogitamus nihil esse: repugnat enim, ut putemus id quod cogitat, eo ipso tempore quo cogitat, non existere. Ac proinde haec cognitio, ego cogito, ergo sum, est omnium prima et certissima, quae cui libet ordine philosophanti occurat (Principiorum Philosophiae, pars I, VII).*

⁵⁾ *Ne n'avouerez-vous pas que vous estes moins assuré de la presence des objets que vous voyez, que de la verité de cette proposition: Je pense, donc je suis? Or cette connoissance n'est point un ouvrage de vostre raisonnement, ny une instruction que vos maistres vous ayent donnée; vostre esprit la voit, la sent et la manie (Oeuvres publiées par Ch. Adam et P. Tannery, Correspondance, V, 137—8). Ср. отзывъ Дамирона: sans doute Descartes est géomètre, mais il l'est en géométrie; il ne l'est pas en psychologie: là il est observateur, historien, presque biographe (Ph. Damiron, Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XVII siècle, Paris, 1846, томъ I, стр. 150).*

ности, хотя и при посредствѣ рационалистической методологии. Таково именно было значеніе и предназначеніе тѣхъ двухъ пріемовъ, которыми они при этомъ особенно широко пользовались, именно геометрической методы и опредѣленій. Геометрическая метода привлекала ихъ прежде всего тѣмъ, что, какъ любилъ объяснять Спиноза, объекты геометріи—линіи, поверхности и тѣла—изучаются совершенно безстрастно, со стороны ихъ свойствъ, а не со стороны ихъ достоинствъ и недостатковъ. Далѣе, геометрическая метода считалась тогда вообще образцомъ научнаго изслѣдованія и изложенія ¹⁾. Геометрическая необходимость, одновременно и логическая и фактическая, считалась образцомъ всякой вообще научной необходимости. Вполнѣ понятно, что такъ разсуждали научные новаторы, жившіе въ ту эпоху, когда главнымъ завоеваніемъ положительной науки являлась рациональная механика, наука о движеніи въ пространствѣ; къ геометріи сводили всю физику ²⁾ и иногда хотѣли свести даже всю медицину ³⁾. Затѣмъ геометрія считалась весьма пригоднымъ средствомъ для построения науки не столько о свойствахъ тѣхъ или иныхъ объектовъ, сколько объ отношеніяхъ между ними ⁴⁾. А въ XVII вѣкѣ, съ его наклономъ къ растворенію всякаго фактическаго бытія безъ остатка въ „модусахъ“ ⁵⁾ и къ схематизаціи всего познаваемаго, не было недостатка въ утвержденіяхъ, что „истина—это не что иное, какъ реальное отношеніе“ ⁶⁾, и

¹⁾ Гоббесъ, *Leviathan*, Cap. IV, Opera, Molesworth, III, 26: *geometria, quae sola fere est scientia accurata.*

²⁾ Декартъ брался построить весь міръ съ помощью пространства и движенія. Лейбницъ писалъ: *Physica vero in tantum intelligibilis redditur, in quantum reducitur ad Geometriam* (Schriften, Gerhardt, I, 186).

³⁾ Тамъ же, 187: *Utinam... Medici... velint γεωμετρῆν.*

⁴⁾ Мальбраншъ писалъ: *La géométrie est donc très-utile pour rendre l'esprit attentif aux choses dont on veut découvrir les rapports* (Recherche de la vérité, Livre sixième, première partie, Chap. IV).

⁵⁾ Какъ увѣрялъ Спиноза, *res particulares nihil sunt, nisi... modi* (Ethica, Pars I, Propositio XXVI, Corollarium).

⁶⁾ См. у Мальбранша: *La vérité n'est autre chose qu'un rapport réel... Les vérités ne sont donc que des rapports* (Recherche de la vérité, Livre VI, I Partie, Chap. V).

что даже „всѣ истины—это только отношенія“¹⁾, отношенія между предметами и отношенія между самими отношеніями²⁾. Отголосокъ такого пониманія задачъ науки представляетъ въ XVIII вѣкѣ извѣстное опредѣленіе законовъ въ ихъ „самомъ распространенномъ значеніи“ какъ „необходимыхъ отношеній, вытекающихъ изъ природы вещей“, сдѣланное въ „Духѣ законовъ“ Монтескье (кн. I, гл. I). Благодаря успѣху этой книги идея гуманистической науки объ отношеніяхъ связывалась уже не съ именами рационалистовъ XVII вѣка, а по большей части съ его именемъ. И сообразно съ этимъ даже психологи, продолжавшіе ихъ традицію, связывали свое дѣло уже съ его идеями. Такъ, напримѣръ, Бонне, сводившій какъ общее познаніе вещей³⁾, такъ и специально психологическое познаніе къ изученію отношеній, ссылался на „возвышеннаго автора Духа законовъ“⁴⁾ и усиленно подчеркивалъ это⁵⁾. Поскольку Монтескье продолжалъ еще традицію рационализма XVII вѣка, постольку дѣйствительная генеалогія науки объ отношеніяхъ еще не терпѣла ушерба; но поскольку онъ поддавался другимъ влияніямъ—не только сенсуалиста Локка, но даже схоластическаго Аристотеля съ его „природами“ и „формами“ вещей⁶⁾,—постольку уже получалась неправильная историческая перспектива.

1) Ainsi, toutes les vérités n'étant que des rapports (тамъ же).

2) Toutes les vérités spéculatives ne consistant que dans les rapports des choses et dans les rapports qui se trouvent entre leurs rapports, elles se peuvent toutes rapporter à des lignes (тамъ же, Chap. IV).

3) Chercher le *comment* d'une chose, c'est donc proprement chercher les Rapports secrets qui lient cette chose à d'autres (Contemplation de la nature, par C. Bonnet, Tome premier, à Amsterdam, 1764, стр. XIII). Tous les Etres on leurs Rapports. Les Conséquences de ces Rapports sont des Loix (Essai de psychologie, Londres, 1755, стр. 273). Les Loix sont les Resultats des Rapports qui sont entre les Etres (тамъ же, 294). Les Loix qui sont l'Effet de ces Rapports (qui dérivent essentiellement de la Nature, тамъ же, IX и X).

4) Contemplation de la nature, LXI.

5) Voilà l'Art des grand Maîtres: en voici le modèle *Montesquieu*; je le répète *Montesquieu* (Essai de psychologie, 355).

6) См. объ этомъ статью автора настоящаго изслѣдованія „Къ вопросу о системѣ Духа законовъ Монтескье и ея философскихъ источникахъ“ (Юридическія Записки, 1912, № 3).

Однако было бы большою односторонностью утверждать, что рациональная психологія XVII вѣка не видѣла никакого методологическаго спасенія внѣ геометрической методы. Совсѣмъ напротивъ, Декартъ только подъ влияніемъ пожеланія, высказаннаго во вторыхъ возраженіяхъ на его „Размышленія“ Мерсенномъ и другими учеными, облекъ часть своего ученія о душѣ—и притомъ небольшую ¹⁾—въ геометрическую форму опредѣлений, постулатовъ и аксіомъ съ вытекающими изъ нихъ теоремами; большую же часть этого ученія онъ именовалъ просто размышленіями ²⁾. И хотя Клаубергъ восхищался логикою Декартова трактата „О страстяхъ души“ ³⁾, однако въ дѣйствительности въ немъ даже мало системы; и это объясняется новизною задуманнаго имъ изслѣдованія, въ которомъ ему пришлось не столько магистрально излагать результаты, сколько прокладывать новые пути. Даже Спиноза, этотъ Ньютонъ рациональной психологіи, такъ же какъ и создатель системы всемірнаго тяготѣнія ⁴⁾, охотно покидалъ геометрическую методу ради болѣе непринужденныхъ „схолій“; въ своей геометрически задуманной, но далеко не всюду геометрически выполненной ⁵⁾ „Этикѣ“ онъ иногда отмѣчалъ даже неудобства геометрической методы ⁶⁾. Словомъ, ею пользовались не ради нея самой, а въ надеждѣ на ея пригодность для познанія подлинной природы человѣка.

¹⁾ *Pausa quaedam*. См. стр. 84 амстердамскаго изданія *Meditationes* 1698 г. (*Responsio ad Secundas Objectiones*).

²⁾ Тамъ же, 83; *meditationes potius, quam... ut Geometrae, Theoremata et Problemata scripserim*.

³⁾ *Nuspium apertius Cartesius est logicus, quam in libello de passionibus animae*.

⁴⁾ См. объ этой особености философіи Ньютона у L. Bloch, *La philosophie de Newton*, Paris, 1908, стр. 130.

⁵⁾ По подсчету ростокскаго профессора Эрдгардта, изъ 230 страницъ „Этики“ дѣйствительно *ordine geometrico* написаны только 133 (*Die Philosophie des Spinoza im Lichte der Kritik*, Leipzig, 1908, стр. 150; см. о томъ же P. L. Couchoud, *Benoit de Spinoza*, Paris, 1912, стр. 159).

⁶⁾ См., напримѣръ, *Pars IV, Propositio XVIII, Scholium* или *Pars IV, Appendix*.

Въ такомъ же смыслѣ пользовалась рациональная психологія и опредѣленіями, этимъ, какъ полагалъ Гоббесъ, единственнымъ путемъ къ наукѣ ¹⁾. Ихъ считали необходимыми для точной передачи дѣйствительной сущности и элементовъ психики. Сообразно съ этимъ рациональная психологія XVII вѣка не занималась ни схоластическою номенклатурою душевныхъ явленій, ни ихъ опредѣленіемъ по роду и виду. Она не довольствовалась и ихъ описаніемъ, этою, какъ понималъ даже полусхоластикъ Шовень, обезьяною опредѣленія ²⁾. Она стремилась установить генетическія, каузальныя ³⁾ и конструктивныя ⁴⁾ опредѣленія, дающія, какъ въ геометріи, возможность воспроизведенія соотвѣтственныхъ объектовъ. Въ приложеніи къ психологіи Чирнгаузенъ понималъ это такъ буквально, что признавалъ только такое опредѣленіе смѣха, которое бы немедленно вызывало у людей соотвѣтственное явленіе ⁵⁾.

Таковы были тѣ надежды, съ которыми, напримѣръ, Гоббесъ, понимавшій общество, какъ сумму индивидовъ, а индивида, какъ сумму аффектовъ, старался съ помощью своей

¹⁾ Unica via ad scientiam est, per definitiones (De cive, Cap. XVIII, IV).

²⁾ Lexicon philosophicum, 177.

³⁾ Definitio debet... comprehendere causam proximam (Спиназа, Tractatus de intellectus emendatione, Opera, v. Vloten et Land, I, 29).

⁴⁾ См. тамъ же опредѣленіе круга. Гоббесъ писалъ: nomina... rerum... in definitione habere debent ipsam causam sive modum generationis, veluti cum circumulum definitum esse figuram patami ex circumlacione lineae rectae in plano (De corpore, I, VI, 13, Opera latina, Molesworth, I, 72); in definitionibus contineri debet causa efficiens constructionis (тамъ же, III, XX, стр. 253). Чирнгаузенъ: omnis sane legitima seu bona definitio includet generationem (Medicina mentis, 67). Эргардъ, Вейгель признавалъ только Reales Definitiones et quidem primario sic dictas Causales (Analysis Aristotelica ex Euclide restituta, Jenae, 1658, стр. 138). Вслѣдъ за нимъ и Лейбницъ пѣнилъ la definition reelle et causale, comme lors qu'elle contient la generation possible de la chose (Schriften, Gerhardt, IV, 450; см. еще E. Cassirer, Leibniz' System in seinen wissenschaftlichen Grundlagan, Marburg, 1902, стр. 114—117).

⁵⁾ Sic, si definitio, quae naturam risus explicat, proba esset, subito datis tantum iis eadem definitione ad ridendum requisitis, in aliis risum moveremus (Medicina mentis, 68).

ариѳметической методы возможно точнѣе опредѣлить эти послѣднія слагаемыя. Съ такими же надеждами Спиноза съ помощью своей геометрической методы опредѣлялъ аффекты въ третьей части своей „Этики“. Выполненіе этого замысла оказалось далеко не безукоризненнымъ. Но это нисколько не означало ненаучности самого-то замысла — дать съ помощью точныхъ опредѣленій возможно полную клавиатуру или алфавитъ человѣческой души. Что при всякомъ психологическомъ изслѣдованіи крайне необходимо возможно точнѣе опредѣлить соотвѣтственные объекты, это признавалось неоднократно и впоследствии; такъ, на примѣръ, гербартыянецъ Вайтцъ жаловался, что отсутствіе точныхъ опредѣленій испортило всю теорію чувствъ, благодаря чему голодъ и благодарность могли быть отнесены къ одной категоріи, или Гегель для характеристики чувства могъ довольствоваться туманною метафорою: *das dumpfe Weben des Geistes in sich*¹⁾. А что задача опредѣленія элементовъ психики въ XVII вѣкѣ была, въ общемъ, выполнена далеко не безуспѣшно, видно хотя бы изъ того, что еще знаменитый Іоганнъ Мюллеръ цѣликомъ воспроизводилъ Спинозовы опредѣленія²⁾.

Вліянію рационализма на естественное ученіе XVII вѣка о человѣкѣ слѣдуетъ приписать также и производившееся имъ упрощеніе человѣческой природы. Слѣдуя высказанному Кеплеромъ принципу „природа любитъ простоту“³⁾, новаторы XVII вѣка производили двоякаго рода упрощеніе. Во-первыхъ, они отказались отъ того сложнаго, такъ сказать, многояруснаго, іерархическаго состава человѣческой психики, о которомъ учили даже такіе ихъ современники, которые считали себя свободными отъ схоластическихъ тра-

¹⁾ Theodor Waitz, *Lehrbuch der Psychologie als Naturwissenschaft*, Braunschweig, 1849, стр. 286—289.

²⁾ *Handbuch der Physiologie des Menschen*, Zweiter Band, Cöblenz, 1840, стр. 543—549: *Lehrsätze von Spinoza über die Statik der Gemüthsbewegungen* (см. еще стр. 550—551: *habet anima in se perceptiones et appetitus, iisque natura eius continetur*).

³⁾ *Opera*, I, 337.

дицій¹⁾. Въ общемъ они различали въ психикѣ не болѣе двухъ категорій элементовъ: разумъ и аффекты, или страсти, или „аппетитъ“. Такъ рассуждалъ, напримѣръ, Лейбницъ²⁾. Аффекты иногда дѣлились еще на активные и пассивные. Декартъ ограничивалъ ихъ число шестью. Спиноза сводилъ все безпредѣльное, не передаваемое, по его собственному мнѣнію³⁾, никакимъ числомъ разнообразіе душевныхъ движеній къ тремъ аффектамъ⁴⁾; но и ихъ онъ, въ свою очередь, сводилъ къ одному началу, именно, къ само-сохраненію. У Лейбница упрощеніе психики проявлялось въ томъ, что, замѣнивъ аффекты незамѣтными перцепціями, онъ увеличилъ ихъ число почти до безконечности, но вмѣстѣ съ тѣмъ до того устранялъ качественное между ними различіе, что уподоблялъ ихъ физическимъ атомамъ⁵⁾. Во-вторыхъ, упрощеніе человѣческой природы проявилось въ томъ, что всѣ люди были признаны равными другъ другу. Такъ, Гоббесъ училъ, что отъ природы, душою и тѣломъ всѣ люди равны⁶⁾; и на этомъ онъ построилъ всю свою психологію, социологію и политику⁷⁾. Іенскій математикъ Эргардъ Вей-

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Штошъ различалъ въ человѣкѣ *corporis structuram, vitam sive animam, sensus, imaginationem, memoriam et reminiscientiam, intellectum, iudicium, ratiocinationem, mentem et cogitationem humanam, voluntatem, affectus et passiones* (- W. Stoschius, *Concordia rationis et fidei*, 1692, стр. 9).

²⁾ *Schriften*, Gerhardt, VII, 501: *habet anima in se perceptiones et appetitus, iisque natura eius continetur.*

³⁾ *Ethica*, Pars III, *Propositio LIX, Schol.*: *clare constare credo, affectus tot modis, alios cum aliis, posse componi, indeque tot variationes oriri, ut nullo numero definiri queant.*

⁴⁾ Тамъ же, *Propositio LVII, Demonstratio*, а также *Propositio LIX, Demonstratio*: *Omnes affectus ad cupiditatem, laetitiam vel tristitiam referuntur.*

⁵⁾ См. предисловіе къ *Nouveaux essais sur l'entendement* (Gerhardt, V, 49).

⁶⁾ *Sunt igitur omnes homines natura inter se aequales* (*De cive*, Cap. I, III). *Tum corporis tum animae facultatibus... aequales inter se produxit natura homines* (*Leviathan*, Cap. XIII, *Opera*, Molesworth, III, 97).

⁷⁾ *Legis naturalis octavo loco praeeptum est, ut unusquisque natura unicuique aequalis habeatur* (*De cive*, Cap. III, XIII; ср. тамъ же, Cap. XIV, XIV: *legem aequitatis naturalis*). Именно изъ природнаго равенства людей Гоббесъ выводилъ борьбу всѣхъ противъ всѣхъ: *Ab aequalitate naturae, oritur unicuique ea, quae cupit, acquirendi spes. Quoties ergo duo idem cupiunt, quo frui ambo non possunt, alter alterius hostis fit, et ad finem sibi propositum, quae est con-*

гель считалъ даже аксіомою равенство мужчинъ и женщинъ, черныхъ и бѣлыхъ ¹⁾).

Таково значеніе „естественности“ новой психологіи XVII вѣка во второмъ, рационалистическомъ смыслѣ. Наконецъ,— и это всего типичнѣе для нея—она стремилась изучать человѣка не *in genere moris*, а *in genere naturae*, не со стороны нравовъ, а со стороны природы. Иначе говоря, она должна была быть естественною наукою въ смыслѣ согласованности съ новымъ механическимъ естествознаніемъ того времени. Это ставило передъ нею необходимость не выдѣлять человѣка, какъ государство въ государствѣ, изъ закономѣрной механической природы, а, напротивъ, всецѣло включить его въ нее. Надлежало или найти новое мѣсто для человѣка въ мірѣ, или же найти въ старомъ человѣкѣ совершенно новаго человѣка, который не являлся бы уродомъ, ненормальностью въ новооткрытомъ физическомъ мірѣ и не нарушалъ бы чистоты его стиля.

II.

Вопросъ о тѣлѣ человѣка рѣшался сравнительно просто. Его признали машиною, физическимъ автоматомъ ²⁾. Жизнь

---

servatio propria, alter alterum conatur subjugare vel interficere (Leviathan, Cap XIII, Opera, 98).

¹⁾ Grundmässige Auflösung des militar-Problematis, Warum doch der Türcken Christen nunmehr weichen müsse, Jena, 1689, Axioma I.

²⁾ *Hominis corpus quatenus machinamentum quoddam... machinamentum humani corporis* (Renati Des Cartes Meditationes de prima philosophia, Meditatio sexta, стр. 43 амстердамскаго изданія 1685 г.). *Quid est cor nisi elastikum, quid nervi nisi chordae, quid articuli nisi... rotulae* (Hobbes, Leviathan Introductio, Opera, III, 1). *La corps de l'animal est une Machine en même temps Hydraulique, pneumatique et pyrobolique* (Reponse aux reflexions qui se trouvent dans le 23 Journal des Sçavans, Leibnitz, Gerhardt, IV, 337). *Ainsi chaque corps organique d'un vivant est une Espèce de Machine divine, ou d'un Automate Naturel; qui surpasse infiniment les Automates artificiels* (Монадология, 64, Gerhardt, VI, 618). Эпигоны новаторовъ XVII вѣка продолжали и даже утрировали этотъ взглядъ въ XVIII вѣкѣ: *machina mechanica*, определялъ человѣческое тѣло полувольфіанецъ Даріесъ (L. G. Daries, Discours über sein Natur- und Völkerrecht, Jena, 1762, стр. 72); *l'homme machine*, учили французскіе матеріалисты XVIII вѣка.